

...И если я погибну, и если я умру, проснется ли мой город с печалью поутру?

В среду на Ваганьковском мы простимся с Булатом Шалвовичем Окуджавой

Олег ТАБАКОВ:

«Написанное он оплатил жизнью»

- Булат Окуджава был человеком, рядом с которым я жил и который мне казался одним из самых достойных людей своего времени. Достойный, независимый, знавший цену себе. Он в первую очередь был очень добр. Мне кажется, что он жизнью своей оплатил все, что написал. Я с огорчением за собой вижу, что начинаю адаптироваться к бедам и каким-то потерям, но вот прошло уже несколько суток, и я никак не могу свыкнуться с мыслью, что Окуджавы нет...

Арбат закончился в Париже...

Булат Шалвович приехал в Париж по приглашению представителя России при ЮНЕСКО Михаила Федотова, чтобы в узком кругу дать небольшой концерт. Он как чувствовал - хотел отказаться, но потом все же решился. В первые же дни Окуджава подхватил грипп, причем такой серьезный, что понадобилась госпитализация. Французский грипп от нашего отличается - он не сильнее, но слабее, просто сам вирус другой, и, если организм к нему не приспособлен, болезнь переносится тяжелее.

Окуджава провел в парижском военном госпитале Валь де Грас около недели. Его вдова, Ольга, рассказывала, что ему в эти дни было и морально тяжело - постоянно

хотелось домой, в Россию. Видимо, он чувствовал, что не успеет проститься со своей землей. Болезнь тем временем съедала организм - сначала серьезные осложнения на легких вплоть до того, что одна шестая их часть просто не работала.

В прошлый четверг во второй половине дня врачи решили срочно транспортировать Окуджаву в другой военный госпиталь, в пригород Парижа, поскольку там, по их мнению, реанимационное отделение более приспособлено для таких случаев. В Клармаре он пробыл меньше чем полдня.

В субботу в главном православном храме Парижа на улице Дарю состоялась панихида, собравшая весь им-

мигрантский писательский и актерский мир. Причем не только парижский - приехали люди из соседних европейских стран, даже из Америки. Пришла Великая княгиня Леоноиды Георгиевна, оказавшийся в это время в Париже актер Михаил Глузский и еще полторы сотни людей - русских и французов.

У россиянина остается очень мало времени на прощание. Тело Булата Окуджавы перевезут в Москву завтра. Гроб будет установлен в Театре имени Вахтангова. А в среду состоятся похороны. На Ваганьковском, как и хотел Окуджава.

Максим ЧИКИН.
(Наш соб. корр.).

Париж.

«Окуджава ходил драться в другую сторону»

На Арбате все как обычно: точно так же крутят свои колесца брейкеры, одетые в черные шапочки и широкие гуцульские шаровары. Точно так же два трио с гитарами в руках лабают: одни из репертуара «Машины времени», другие - «Дорс» с ужасным переводом, по всей видимости, самопальным.

Сначала кажется: вот-вот встретишь паренка с дешевой гитарой и песнями Булата. «Арбатского романса старинное шитье...» Нет, не слышно.

Эй, Арбат! Ты не понял, кто от тебя ушел? Стильный парнишка в восточной тюбетейке: «Почему - не знаю? Мне родители в детстве крутили его песни. Я несколько даже наизусть помню!»

Спокойный старик с сизым носом, продающий с рук какие-то игрушки: «Это очень плохо, что так вот получилось. Уходят, уходят... Я ведь с ним хорошо знаком был!» Но рассказывать дальше почему-то отказывается - складывает свой товар в пластиковую сумку и, не оглядываясь, уходит.

Дама средних лет с молодежным спутником: «Окуджава умер? Первый раз слышу! Ужас какой...» Удаляясь, слышу, как мне вдогонку несется ее смех. Она уже о чем-то другом...

Сегодня я пришел не к ним. В одном из домов, выходящем окнами прямо на знаменитую мостовую, живет мой знакомый - Сергей Владимирович Киселев, судьба которого в чем-то похожа на судьбу великого барда.

- Я всю жизнь живу на Арбате... Родился на год раньше, и на фронт ушел на год раньше, в 1941-м, и тоже добровольцем! Мы стоим рядышком на балконе, смотрим на ряды художников под фонарями. Внезапно он тыкает пальцем куда-то в сторону.

- Он жил вон в том доме! Там рядом диетический магазин был... Но наши пути как-то не пересекались. Мы с пацанами ходили драться на Пречистенку, в другую сторону. Дрались ужасно! Но лежачего не били.

Для живших здесь Арбат действительно был религией. Это Москва, описанная классиками. Вон там жил Бунин. Только доски почему-то нет. Белый, Блок, Алексей Толстой, Маяковский...

- А когда вы в первый раз его услышали? - Это я очень хорошо помню! У меня знакомая работала в Радиокomite. И вот как-то принесла она домой огромную такую бобину с пленкой. У нее к тому времени появился магнитофон «Днепр», на котором бобина крутилась со страшной скоростью. И вот тогда-то, сквозь скрипы и шумы зазвучал его голос. Мы все были поражены. Что такое песня в нашем тогдашнем представлении? Что-то официальное: или лирическая, или революционная... А тут человек запел иначе, запел о жизни. И так, как до него никто это не делал!

С тех пор я его всю жизнь с любовью слушал. Его и Володю Высоцкого. Два любимых барда моих.

По делам я долгое время жил в Африке. Было время, остался на год один: жена уехала. Вечерами в огромном доме тоска была страшная! И меня спасало одно: я включал маленькую пластинку Окуджавы, которую выпустили в 65-м году небольшим тиражом. Раз по двадцать за вечер ее ставил. «По Смоленской дороге» - это одна из самых любимых моих песен по сей день - и «После ледный троллейбус». Я очень любил его манеру исполнения. Ну а сами слова - это непередаваемо...

Плохо, что встретиться так и не довелось. Когда я ухожу, уже темнеет. Зажигаются арбатские фонари. Фотограф укладывает в огромный ящик свои причиндалы. На его плече сидит обезьяна. Девушка рядом держит на руке огромную хищную птицу. На скамейке сидят два двойника - Ленина и Горбачева. Улыбаются. Грохот барабана. Гитары Булата не слышно...

Андрей ПАВЛОВ.

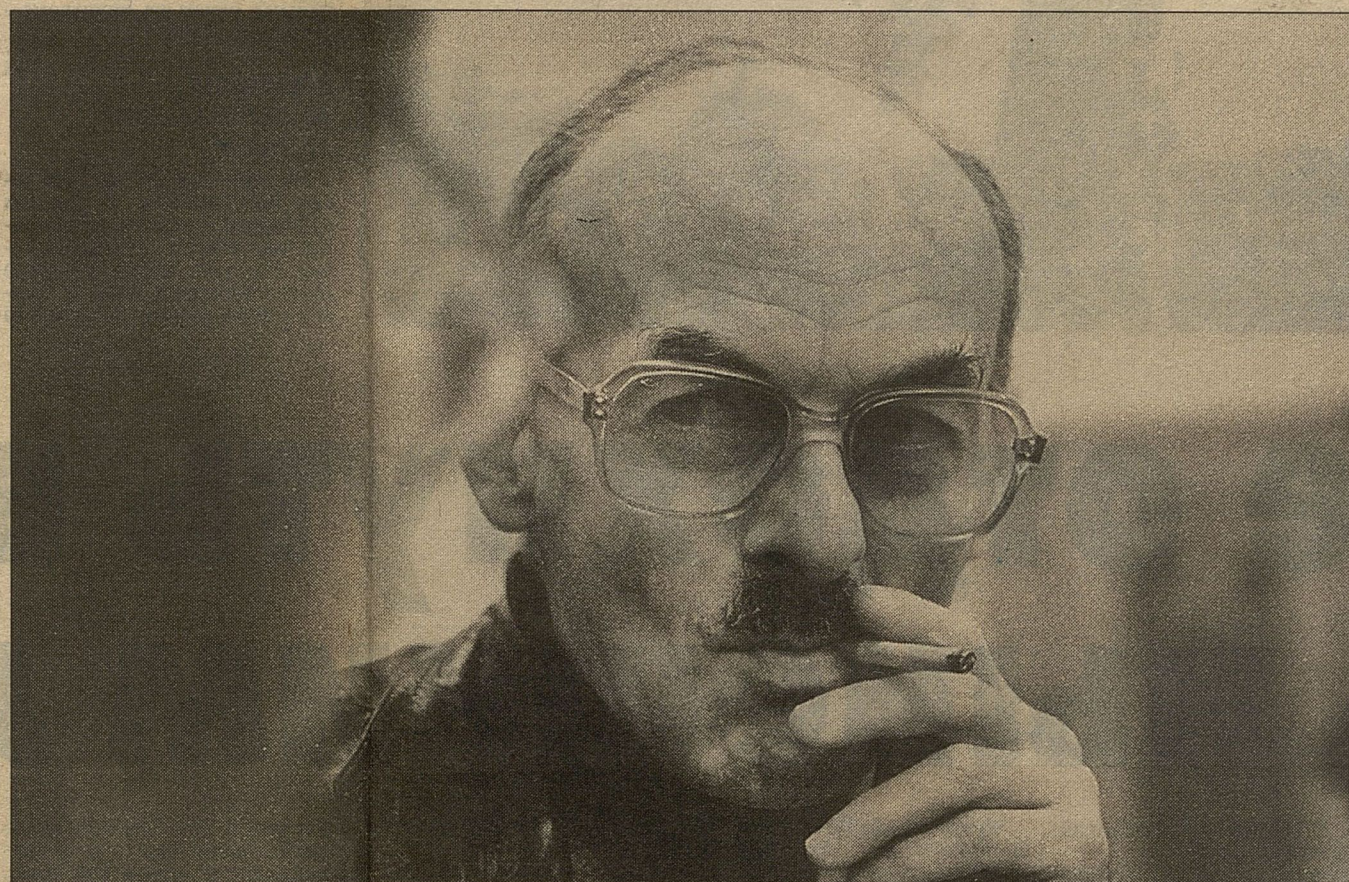

Фото Анвара ГАЛЕЕВА.

ПЕРЕКРЕСТОК

Татьяна ЯКОВЛЕВА, продавец аудиокассет и компакт-дисков:

- Я когда узнала, что Окуджава умер, так всплакнула даже. Постоянно я его не слушала, но знала, что при желании можно и на концерт сходить. У меня отец собирал все, что только выходило у Окуджавы. Кажется, он его всего наизусть знает. Кассет и пластинок его дома очень много. А вообще вчера и сегодня спрашивали, но я как-то и не думала, что на этом можно заработать. У нас ведь всегда - как умер человек, так сразу его слушать начинают.

Геннадий ГМЫЗА, арбатский конкурент магазина «Мелодия»:

- Об Окуджаве я мало что знал. Слышал, правда, несколько песен, но не вслушивался. Мне друзья говорили, чтоб его понять - москвичом надо быть. А я приезжий. Да и времени на понимание нет.

- Но я смотрю у вас тут окуджавовских кассет много?..

- А чего удивляться: я как услышал, что он умер, к одному другу метнулся, к другому. Всех на ноги поднял. Собрал все записи, а потом всю ночь на своем комбайне переписывал. К утру думал сдохну. Кофе попил и продавать. И цену, конечно, накинул - все равно расходуется. Я честно покупателей предупреждаю - запись нестудийная, а они говорят, что из частных коллекций еще лучше. И эту ночь тоже не спал, и следующую, если мои парни Окуджаву с базы не пришлют, спать не буду. Вы что - такой спрос...

Юрий НИКУЛИН:

«Я всегда считал его поэтом номер один»

- Для меня это один из самых печальных дней, которые приходится пережить. Вся наша семья его любила, и я всегда считал его поэтом номер один. Не говоря о том, что любил его песни и пел их, когда мы собирались дома вместе с друзьями.

Я знал его с того момента, когда мы только-только начали выступать. Это было его первое крупное выступление в Доме кино. Тогда его публика не приняла. И он ушел раньше времени. Его не поняли. А мне его стихи показались наполненными такой любовью к жизни, желанием ласки, дружбы...

Мне он еще близок тем, что воевал. Он прошел войну, и у него день рождения 9 мая. Когда я его поздравлял, он говорил: «Нет, ты меня не поздравляй с днем рождения. У меня главный праздник - День Победы».

ТЕБЯ НЕ ВСПОМНИТ, А ВСПОЕТ РОССИЯ...

Мой город засыпает. А мне-то что с того?

Я был его ребенком, я нянькой был его,

Я был его рабочим, его солдатом был...

Он слишком удивленно всегда меня любил.

Он слишком отчужденно мне руку подавал,

по будням меня помнил, а в праздник забывал.

И если я погибну, и если я умру, проснется ли мой город с печалью поутру?

Пошлет ли на кладбище перед заходом дня

своих счастливых женщин оплакивать меня?..

...Но с каждым днем все чище, все злей его люблю и из своей любви богов своих леплю.

Мне ничего не надо, и сожалений нет:

со мной моя гитара и пачка сигарет.

ПРОЩАЙТЕ И ПРОСТИТЕ

«Комсомолка» об Окуджаве

1961 год:

«О какой-либо требовательности поэта к самому себе говорить не представляется возможным. Былинный повтор, звон стиха «крепких» символов, сюсюканье салонных поэтов, рубленый ритм раннего футуризма, тоска кабацкая, приемы фольклора - здесь перемешалось все подряд. Добавьте к этому добрую толику любви, портянок и пшенной каши, диковинных «нутряных» ассоциаций, метания туда и обратно, «правды-матки» - и рецепт стихов готов. Как в своеобразной поэтической лавочке: товар есть на любой вкус, бери что нравится, может, прихватишь и что сбоку висит.

...Дело тут не в одной пестроте, царящей в творческой лаборатории Окуджавы. Есть беда более злая. Это его стремление и, пожалуй, умение беречь раны и ранки человеческой души, выискивать в ней крупитцы ущербного, слабого, неудовлетворенного... Позволительно ли Окуджаве сегодня спекулировать на этом? Думается, нет! И куда он зовет? Никуда.

...Невооруженным глазом видна здесь тенденция уйти в «сплошной подтекст», возвести в канон бессмыслицу. А вот и ее воинствующий образчик - «Песня о голубом шарике»:

Девочка плачет,
Шарик улетел,
Ее утешают,
А шарик летит...

И. ЛИСОЧКИН,
«О цене «шумного успеха»».
6.12.61 г.

1996-й

« - Какая твоя самая любимая песня? - спрашиваю я сегодня.

- Песни, как дети. Одной какой-нибудь любимой нет и быть не может. Я вижу удачи в одних и промахи в других, но самой любимой нет. Вот ты говоришь, что их пела вся страна, но мне кажется, их пели не из-за музыкальных или поэтических достоинств, а потому, что эти песни были востребованы временем, их ждали. Если бы я написал эти песни сегодня, вряд ли они имели такой успех.

- Ты представляешь наше будущее в мрачном свете?

- Нет, почему же... Но возрождение страны, ее экономики, обороны, культуры, науки, образования должно начинаться с возрождения личности. Требуется найти в душе народа лучшее и всячески развивать это.

- Как поет Окуджава: «Ах, были б помыслы чисты, а настоящее все приложится...»

«В России демократию начал дуть еще Иван Грозный...» (беседа с Я. Головановым - одно из последних интервью поэта в «Комсомолке», 10.01.1996 г.).